

Руины на постсоветском Дальнем Востоке: "созидательное разрушение" или "медленное насилие"?

Елена Сергеевна ВОЛКОВА

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, elenavolkova1@yandex.ru

Юлия Николаевна КОВАЛЕВСКАЯ

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, tupa67@mail.ru

Аннотация. Авторы исследуют механизмы возникновения руин в дальневосточном регионе в конце XX – начале XXI вв. Если разрушение советских предприятий до определенной степени можно объяснить трансформационным кризисом и "созидательным разрушением", то деградация технической и социальной инфраструктуры находит интерпретацию в рамках теории авторитарной модернизации. Кроме того, в статье анализируются долговременные последствия жизни людей в геттоизированных поселениях, среди руин, с использованием этнографии "медленного насилия".

Ключевые слова: Дальний Восток России, постсоветский период, руины, авторитарная модернизация, медленное насилие, практики выживания

Для цитирования: Волкова Е.С., Ковалевская Ю.Н. Руины на постсоветском Дальнем Востоке: "созидательное разрушение" или "медленное насилие"? // Известия Восточного института. 2022. № 1. С. 78–90. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/78-90

Original article
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/78-90

Ruins in the Post-Soviet Far East: "Creative Destruction" or "Slow Violence"?

Elena S. VOLKOVA

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia, elenavolkova1@yandex.ru

Yulia N. KOVALEVSKAYA

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia, tupa67@mail.ru

Abstract. The authors investigate the mechanisms of the emergence of ruins in the Russian Far East in the late XX – early XXI centuries. If the destruction of Soviet enterprises can to a certain extent be explained by the transformational crisis and "creative destruction", then the degradation of the technical and social infrastructure is interpreted within the framework of the theory of authoritarian modernization. In addition, the article analyzes the long-term consequences of the lives of people in ghettoized settlements, among the ruins, using the ethnography of "slow violence". The authors are introduced into scientific circulation such historical sources as field research materials and works of art of Far Eastern writers and artists. These sources clearly show how local residents survive among the physical ruins on the ruins of their plans and hopes in the peripheral territories of this region.

Keywords: Russian Far East, post-Soviet period, ruins, authoritarian modernization, slow violence, survival practices

For citation: Volkova E.S., Kovalevskaya Yu.N. Ruins in the Post-Soviet Far East: "Creative Destruction" or "Slow Violence"? // Oriental Institute Journal. 2022. № 1. P. 78–90. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/78-90

На Дальнем Востоке много руин, в разрушенном состоянии находятся и крупные советские предприятия (в том числе градообразующие), и объекты инфраструктуры (порты, вокзалы, котельные, сети, дороги), и отдельные жилые и общественные здания (больницы, школы, дома культуры), и целые города и поселки. Руины эти в большинстве своём появились в эпоху кризисных 1990-х, часть была возвращена к жизни во время экономического роста в 2000-е, но в основном процесс руинирования продолжился и расширился за счет новых объектов.

Жизнь среди руин имеет свою специфику, которая не только стала предметом обыденной рефлексии (представленной в соцсетях, СМИ, полевых интервью), но

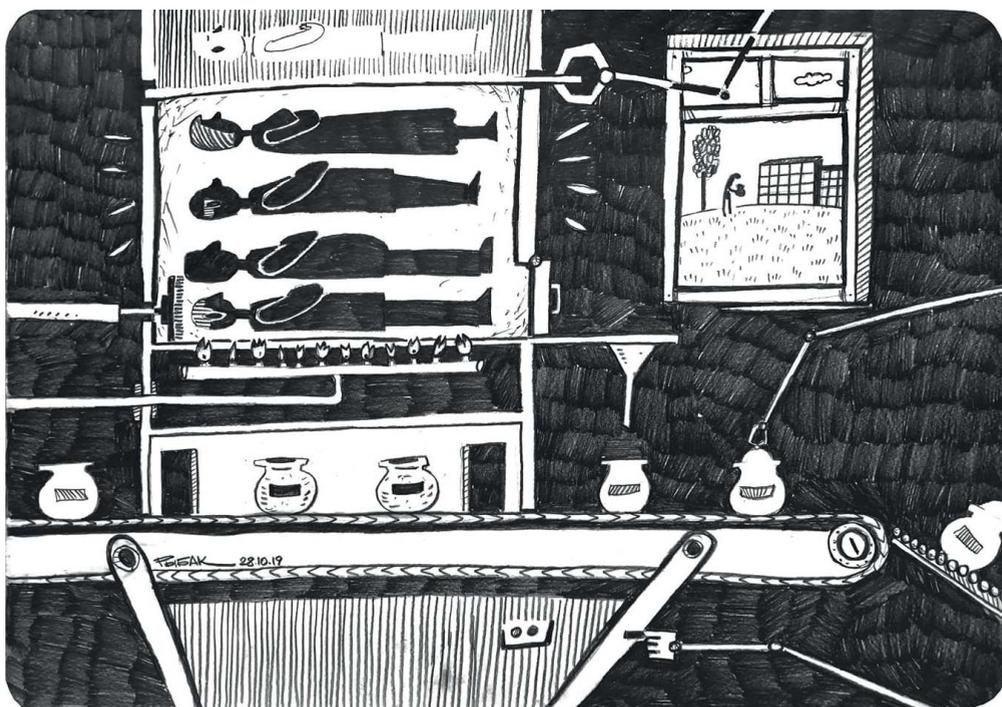

Рис. 1. Рыбак Н.Д. Оптимизация (2019).

Источник: Facebook (соц. сеть). URL: <https://www.facebook.com/remury>

Fig. 1. Rybak N.D. Optimization (2019).

Source: Facebook (social network). URL: <https://www.facebook.com/remury>

и получила отражение в художественном творчестве и академическом дискурсе. Анализ различных схем интерпретации позволяет более широко и глубоко взглянуть на проблему руин советской эпохи и характера того общества, которое их производит в современной России.

В начале 1990-х гг. банкротство советских предприятий и физическое уничтожение их зданий, технической и социальной инфраструктуры оптимистично расценивалось как часть процесса *"созидательного разрушения"*, который классик экономической теории Й. Шумпетер считал ключевым для капитализма источником инноваций и экономического роста. Согласно *"облегченной"* версии теории модернизации, получившей название транзитологии, предполагалось, что трансформационный кризис будет кратким, а затем место неэффективных советских предприятий займут новые, вместо *"плохих"* советских рабочих мест на фабриках, заводах, шахтах и совхозах возникнет высокодоходная занятость в рыночной экономике и сформируется российский *"средний класс"*.

Однако реальная жизнь не подтвердила этих прогнозов, особенно для Дальнего Востока: кризис продолжался очень долго, в его низшей точке – в 1998 г. ВВП составлял менее 45% от уровня 1990 г., и даже в докризисном 2008 г. – менее 60% [15, с. 90]. Пострадали все региональные отрасли специализации, структура экономики в 1990–2010 гг. изменилась в сторону преобладания сырьевых отраслей, ориентированных на экспорт, – добычи нефти, газа, цветных металлов, рыбы и древесины. Уровень качества жизни на Дальнем Востоке в постсоветский период опустился гораздо ниже среднероссийского [13, с. 479]. На дальневосточной периферии появились города и поселки-гетто – с руинами градообразующих предприятий, множеством полупустых домов с брошенными квартирами, депрессивностью социокультурной среды, высокой безработицей, преступностью и уровнем

Рис. 2. Аксёнов Ю.А. Наши будни и праздники (1996).

Источник: Галерея современного искусства ArtNow (сайт). URL: <https://artnow.ru/kartina-Nashi-budni-i-prazdniki-hudozhnik-Aksenov-Yuriy-812216.html>

Fig. 2. Aksenov Yu.A. Our weekdays and holidays (1996).

Source: ArtNow Gallery of Contemporary Art (website). URL: <https://artnow.ru/kartina-Nashi-budni-i-prazdniki-hudozhnik-Aksenov-Yuriy-812216.html>

суицидов, формированием "культуры бедности", стигматизированной идентичностью, своеобразной эстетикой упадка¹.

В связи с массовым распространением поселений-гетто в российской урбанистике возник даже термин "паллиативное городское планирование". Предполагается, что умирающим "населенным пунктам на Севере, на Дальнем Востоке, в Восточной Сибири, которые потеряли значительную часть населения, нужна паллиативная помощь. Надо постепенно уменьшать те районы, которые поддерживаются инфраструктурно, переселять остатки людей в центральные части города" [17].

Как можно заметить, концепция "созидательного разрушения" не даёт инструментария для адекватного описания процессов, которые происходят между "внедрением инновации" в начале и "паллиативной помощью" умирающим поселениям в конце. Методологически более корректно использовать в этих случаях теорию авторитарной модернизации и этнографию медленного насилия.

При анализе причин появления руин и продолжительного существования жителей российской периферии в руинированной и малопригодной для жизни среде следует отметить общую трансформацию модернистской (либеральной) парадигмы. Модернизм (либерализм) индустриальной эпохи исходил из расширения

¹ См., например, ресурс <https://vk.com/yebenya> (367 тыс. подписчиков); проект "Уходящее Приморье": <https://primamedia.ru/projects/392/>

Рис. 3. Манткава Г.М. Зимнее утро Родины (1999).

Источник: Сахалинский областной краеведческий музей (сайт). URL: http://old.sakhalinmuseum.ru/exhb_id_158.php

Fig. 3. Mantkava G.M. Winter Morning of the Motherland (1999).

Source: Sakhalin Regional Museum of Local Lore (website). URL: http://old.sakhalinmuseum.ru/exhb_id_158.php

прав граждан и возможностей их доступа к общему благу, а постмодернистский (неолиберальный) модернизм опирается на приоритет экономического роста и удовлетворения платежеспособного спроса. Соответственно, это предполагает совершенно разное отношение власти к технической и социальной инфраструктуре.

Массовое жилищное строительство с полной технической и социальной инфраструктурой, доступность медицинского обслуживания и всеобщего образования были связаны с парадигмой индустриального модернизма и концепциями социальной гигиены. Инфраструктура рассматривалась в первую очередь не как способ извлечения прибыли, а как общее благо, направленное на борьбу с эпидемиями и массовыми социальными заболеваниями (оспа, холера, брюшной тиф, гепатит, дизентерия, туберкулёз и др.), повышение образовательного и культурного

Рис. 4. Рыбак Н.Д. Я – медработник (2017). Из серии "Город потерянных надежд".
Источник: Facebook (соц. сеть). URL: <https://www.facebook.com/remury>

Fig. 4. Rybak N.D. I am a health worker (2017). From the City of Lost Hopes series.
Source: Facebook (social network). URL: <https://www.facebook.com/remury>

неплатежеспособных граждан от коммунальных услуг. И когда государство "оптимизирует" транспортное сообщение с отдаленными местностями, а "Водоканал" или энергетическая кампания поднимают тарифы и отключают неплательщика от водопровода, канализации или электричества, чиновникам не приходит в голову, что исключённое население может стать очагом смертельно опасной инфекции и массовой эпидемии.

"Оптимизация" социальной инфраструктуры (школ, больниц, учреждений культуры, общественных фондов) усугубляет социальное исключение жителей периферии. Уровень зарплат в некоторых регионах и секторах экономики России настолько низкий, что не покрывает даже простого воспроизводства рабочей силы, и эту проблему усиливает закрытие сельских школ и снижение уровня среднеспециального образования (рис. 1). Пандемия COVID-19 в какой-то степени выявила узкие места неолиберального подхода к медицине, однако для пересмотра социальной политики в целом потребуется более глубокий кризис немедицинского характера.

Еще одной причиной разрушения, особенно объектов инфраструктуры, выступает инволюция сфер "легитимного насилия" и "изъятия" (по Ч. Тилли). СССР не использовал техническую инфраструктуру (дороги, электрические и коммунальные сети) ни как средство изъятия денег у населения, ни как механизм легитимного насилия. Плата за ресурсы была низкой (а иногда и чисто символической), и в арсенал средств экономического или политического давления не входило от-

уровня населения в целом. Расходы на строительство и поддержание инфраструктуры были очень высоки, но элиты того времени понимали, что они избавляют общество от еще более значительных издержек – высокой детской и женской смертности, и как следствие – от потерь рабочей силы, дезорганизации экономики и социальной жизни, политической нестабильности [22, с. 42]. Сходная политика в индустриальный период проводилась во всех развитых странах, в том числе капиталистических. Так, в Японии это была политика "научного управления", в рамках которой осуществлялось изучение, планирование и реализация мероприятий в области социальной гигиены, в том числе в колониях, к которым относились Корея, Тайвань (Формоза) и юг о-ва Сахалин (Карафуту) [16].

Неолиберальная парадигма модернизма не признаёт идеи общего блага и "коммунальной" инфраструктуры: услуги теперь предоставляются индивидуально там, где есть коммерческий спрос. Соответственно, в России в постсоветский период проводится коммерциализация ЖКХ и отключение

ключение от электричества, тепла или водопровода – советская власть прибегала к иным рычагам социального контроля.

Принципиальное отличие постсоветской системы заключается именно в отказе от этой парадигмы: объекты инфраструктуры стали использоваться для извлечения ренты, а также как механизм политического давления и социального исключения. Рост ренты проявляется в постоянном увеличении тарифов на все услуги ЖКХ и расширении номенклатуры платежей (плата за текущий и капитальный ремонт, вывоз мусора, установку и обслуживание счётчиков, содержание общедомового имущества и т.д.).

Даже представители дальневосточной элиты на рубеже веков понимали, что резкий рост ренты в ЖКХ приведёт к столь же резкому обнищанию населения. *"Вопрос в одном – только топливо и еще раз топливо, – говорил приморский губернатор Е.И. Наздратенко в 2000 г. – И стоимость этого топлива, потому что сразу возникает вопрос – какая у нас стоимость жизни? И вот есть эти постановления правительства Немцова, где сказано, что 64 процента коммунальных услуг должен оплачивать потребитель. Это уже на уровне оккупационного режима. В центре посёлка или города еще сохраняется какая-то элитная территория, а все остальные должны уезжать на окраину, рыть себе какие-то норы и отапливать себя то ли тростником, то ли дровами, то ли заборами, то ли разобранными домами"* [9].

Если максимизация ренты невозможна, объекты технической инфраструктуры становятся "бесхозными" и быстро приходят в негодность. Это произошло с инфраструктурой закрытых советских промышленных и сельскохозяйственных предприятий, военных частей: их в лучшем случае передали на баланс нищих муниципалитетов, а в худшем – быстро растащили и продали на металлолом. По воспоминаниям бывшего главы Углегорского района А.И. Фомина, *"бумзавод был [в Углегорске]. В 13 стран мира шла бумага. Мудро было устроено производство – излишками тепла отапливались жилые микрорайоны. Теперь всё закрыто, ничего нет"* (АОСПИ. Инт. А 007. г. Углегорск, Сахалинская обл. Авг. 2012)².

Выгодные объекты инфраструктуры часто были предметом передела собственности, а заложниками этой ситуации становились добросовестные пользователи. Например, в пос. Чигири (пригород Благовещенска) *"42 человека остались без воды. Они построили башиню и водопровод. В 90-е годы, на свой счет. Потом не было бака. Потом его получили, совхоз дал. Потом частник все это присвоил... Непонятно как... Стал продавать воду по дорогой цене... Так еще и тех, кто ему не угодил, начал отключать"* (АОСПИ. Инт. В 010. пос. Чигири, Амурская обл. Июль 2013).

Наиболее известным примером использования коммунальной инфраструктуры в политических целях является отключение жилья и социальных объектов в Приморье от электричества и тепла во время борьбы региональных властей (в частности, губернатора Е.И. Наздратенко) с федеральным центром (в частности, А.Б. Чубайсом). Депутат Думы Кавалеровского района Приморья вспоминает: *"У нас же в то время (2000 г.) был заморожен район, да. В том плане, помните, когда конфронтация пошла [речь идёт о конфликте федеральных, региональных чиновников и муниципальных служб]... Был заморожен район, соответственно трубы везде были лопнутые, во всех практически домах... Когда Шойгу к нам сюда прилетал... Да, с батареями"* (АОСПИ. D 033. пос. Кавалерово, Приморский край. Июль 2013). Ситуация в районе была действительно катастрофическая: *"Даже выдавший виды министр по чрезвычайным ситуациям был просто потрясен тем, что увидел в Кавалеровском районе Приморья. Здесь при 20-градусном морозе без тепла живут почти 10 тысяч человек. Не работают школы, детские сады, в больницах люди спят в палатах в шубах и пальто... Тепло в дома вообще не подается, а ремонтные работы на теплотрассах практически не двигаются из-за отсутствия специалистов"* [6].

В постсоветский период метод инфраструктурного насилия в регионе применялся неоднократно. С другой стороны, и протестующие дальневосточники мог-

² АОСПИ – архив Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН

ли заблокировать городскую магистраль, федеральную трассу или движение по железной дороге – для них это был единственный способ достучаться до власти.

Долговременные последствия жизни людей в геттоизированных поселениях, среди старых и новых руин изучает такое научное направление, как этнография "*медленного насилия*". Американский исследователь Р. Никсон поясняет, что в данном случае речь идёт о "насилии, которое проявляется постепенно и вне поля нашего зрения, о насилии с отсроченной разрушительной силой, рассеянной в пространстве и времени, об изматывающем насилии, которое обычно вообще не воспринимается как насилие" [27, с. 2].

А. Форбруг представил возможности этого подхода применительно к российской периферии в постсоветский период. Он отмечает, что рассредоточенные в пространстве и времени страдания и лишения прав привлекают мало внимания или же неверно интерпретируются. Проработка сложных и запутанных темпоральностей, характерных для советских и постсоветских кризисов и объясняющих их, позволяет продемонстрировать, как в полевом исследовании возможно зафиксировать долговременные процессы, выходящие за пределы непосредственно наблюдаемого настоящего [24, с. 35]. Форбруг показывает, как в нарративах о руинах раскрываются общие механизмы "*медленного насилия*": постепенное разрушение мест жизни и её течения.

Кроме полевых источников, парадигма "*медленного насилия*" может опираться на анализ художественных текстов и иных длинных нарративов, а также на визуальные виды искусства (фото, живопись, графику и пр.). Книга Никсона базируется преимущественно на литературных текстах [24, с. 36]. Сложная структура и эмоциональность художественного произведения могут отражать реальность "*медленного насилия*" адекватнее, чем более формальные методы исследования, даже включённое наблюдение.

Дальневосточная художественная литература и изобразительное искусство отражают "*медленное насилие*" как прямо, в форме авторских высказываний, так и опосредованно, через лирических героев, сюжеты, образы и символы своего времени. "*Девяностые годы – страшные времена и для меня, и для всей страны, – говорит владивостокский художник Ю.А. Аксёнов. – Невозможно было оставаться в стороне от этого, закрывать на это глаза*" (АОСПИ. Инт. X 010. г. Владивосток. Сент. 2020). (рис. 2).

После распада СССР и радикальных реформ практически ни одна из групп советского общества не сохранила прежнего статуса, и художественная литература отражает эту понижательную мобильность, связанную с утратой прав. "*Сошли улыбки с лиц, нужда согнула спины*", – констатирует камчатский поэт Ю.Д. Дружинин [12, с. 84]. Квалифицированные специалисты, оставшись не у дел, готовы трудиться где угодно и кем угодно, чтобы прокормить себя и семью. Героиня рассказа приморского автора С.Д. Барабаша, бывший инженер-конструктор, теперь работает уборщицей: "*До начала так называемой перестройки моя зарплата инженера-конструктора и зарплата моего бывшего мужа давали возможность моей семье жить хорошо, во всяком случае, мы ни в чём не нуждались. Я по специальности судостроитель, ... только теперь моя специальность никому не нужна. Я даже работу простой уборщицы нашла по великому благу!*" [4, с. 16-17]. На картине хабаровчанина С.Г. Шаронова мы видим как раз такую уборщицу, на груди у неё приколот значок, удостоверяющий окончание вуза. Уборщица с высшим образованием в 1990-е гг. было предостаточно.

Путь утрат и лишений отражен в биографическом эссе историка, журналиста, литератора Т.А. Жариковой. Лирическая героиня, преподавая в вузе, подрабатывает чтением рекламы на телевидении, потом на радио, но однажды после длительной болезни обнаруживает, что в её услугах уже не нуждаются. Тогда она по знакомству устраивается гладильщицей в ресторан (зарплата как в университете плюс бесплатный обед) и вскоре обнаруживает, что она не одна такая: доцент технического университета подрабатывает здесь гардеробщиком, бывшая инженер-строитель моет посуду, а недавняя выпускница химфака университета становит-

ся официанткой и теперь, как и гладильщица, прячется от зашедших в ресторан старых знакомых – стыдно. Сын героини, подросток, после школы периодически торгует газетами, моет машины. Но, несмотря на все подработки, материальное положение семьи вопиющее:

"С протянутой рукой я не хожу. Но покупка даже не очень дорогой вещи, как магнит, тянет за собой голодную полосу..." [10, с. 6].

По каплям убиваю в себе женщину, отказывая во всех женских прихотях и слабостях... [10, с. 19].

Обнищание вползает в дом, бьёт, красноречиво говоря о себе выщербленным временем кафелем (ему сорок лет), рваным линолеумом, тщательно прикрываемым вытертыми половиками, кастрюлями, погнувшимися от долгих лет употребления... [10, с. 59].

Не покупаются нужные лекарства, последние десять дней каждого месяца деньги остаются только на хлеб. Это притом, что постоянно говорится "нет" фруктам, овощам, молочным продуктам, мясу, всяким сладостям... В транспорте не упускается малейшая возможность проехаться зайцем... [10, с. 60–61].

Поздравительные открытки родным послать тоже не на что... Из-за молчания все родственные связи с Москвой, Ленинградом, Самарой, Евпаторией практически разорваны... [10, с. 65].

Эти хроники обнищания, безусловно, являются важным историческим источником. Они рисуют сложную социальную ткань, в контексте которой вынуждена действовать героиня, и передают постепенное нарастание лишений в довольно длительной временной перспективе, переход "количества" бедствий в новое экзистенциальное качество жизни – полное отсутствие прав сегодня и перспектив на завтра.

"Вокруг простиралась страна изношенных, вымотанных людей, искусственные голодовки стали естественными", – констатирует владивостокский прозаик Т.Ф. Алёшина [1, с. 69]. Обстоятельства жизни, в которых оказались новоявленные россияне, воспринимались не только как бедственные, но и как недостойные, постыдные. *"И если строим мы капитализм, то почему живём, как африканцы?" – риторически вопрошает приамурский поэт Г.П. Шумейко [23, с. 204].*

Среди проявлений медленного насилия в переходный период, помимо развала экономики и утраты социального и профессионального статуса, следует назвать рост преступности, деградацию системы здравоохранения и прирост социально значимых заболеваний (алкоголизм, наркомания, туберкулёз, сифилис, СПИД), распад СССР и локальные военные конфликты, внутреннюю и внешнюю миграцию. В особой степени эти процессы проявились на дальневосточной периферии, которая в переходный период оказалась более дискомфортной для населения, чем другие регионы России.

Одной из самых уязвимых категорий в переходный период становятся люди пожилого возраста. Вот как пишет о своей героине Т.Ф. Алёшина: *"Давно уже, поняв, что пенсии не хватает ни на что, некий локатор внутри неё выбирал бесплатные места в этом безумно дорогом мире. Бесплатно светило солнце, доедая февральский снег, бесплатно увалине-троллейбус довёз до огромного парка, в котором совершенно бесплатно демонстрировался сногшибательный сюрреализм – несколько старых могил, остатки детских аттракционов, старая и новая церкви, шахматная площадка у подножия большого креста, недавно водружённого на пьедестал вместо Ленина"* [2, с. 29].

В художественных произведениях дальневосточных авторов мы видим множество людей, которые в новой реальности едва сводят концы с концами, но всё же сводят. Однако здесь представлены и люди с самого дна – нищие, попрошайки, бомжи, и это тоже – часть российского общества (в изобразительном искусстве отметим "Житие 1" и "Житие 2" В.И. Серова и А.В. Камалова (1993); "Прошайку" Е.В. Зверева (1998); "Песнь" Ю.А. Аксёнова (1999); "Бездомных" (2010-е) С.Д. Горбачёва; "Не чешется" (2018) Н.Д. Рыбака).

На полотне сахалинского художника Г.М. Манткавы "Зимнее утро родины" (1999) (рис. 3) мы видим человека, роющегося в мусорном баке, в окружении чёрных птиц, явно составляющих ему конкуренцию. Такая картина в первые постсо-

ветские годы ещё шокировала, потом стала обыденной. Лирическая героиня Т.Ф. Алёшиной вспоминает: *"Как я ужаснулась, увидев году в 1994-ом солидного мужчину, подбиравшего окурки на остановке. Потом уже привыкла, что бомжи дежурят у мусорных контейнеров, что солдаты, дети и старухи просят на хлеб, ...что на китайском базаре пусто, толкучкой его уже не назовёшь"* [2, с. 101].

В рассказе хабаровского писателя В.А. Русскова бомж, обитающий в подвале, собрал в своём жилище целую библиотеку из выброшенных на помойку книг, и не для растопки – для чтения [19, с. 121]. Иллюстрацией к этому рассказу может служить графическая работа Н.Д. Рыбака "Я раскрыл секрет интеллигентных нищих" (2014). Литературный герой Е.А. Мамонтова, бывший преподаватель вуза, а теперь пенсионер, увлечённо беседует с нищим, а тот отвечает ему латинской сентенцией, причём, не самой избитой [14, с. 279]. В другом рассказе Мамонтова уволенный с работы крановщик по прозвищу Будда постепенно превращается в бомжа:

"Лифанов питался из мусорного бака за рестораном "Сиам", спал среди картонных ящиков за тем же рестораном, помогал разгружать подходившие к чёрному ходу фуры всего за чекушку, а когда и вовсе за так, и давал жестокий отпор бомжам, желавшим занять его место. Некоторые из прежних приятелей не брезговали, подходили. Разговор заводили деликатно, наученные кто на флоте, кто на Севере признавать право человека на любую судьбу.

– Нормально, – отвечал на их вопрос Александр, почёсывая небритую щёку чёрными ногтями, знаком отказываясь от предложенной сигареты и не выказывая ни малейшего смущения своим нынешним положением.

– Если что, заходи ко мне на тарбазу, – говорил знакомый, прощаясь" [14, с. 346].

Как оказалось, в новой социально-экономической реальности (особенно с началом приватизации квартир) превратиться в бомжа или нищего стало очень просто. Если трансформационные процессы можно рассматривать, как макрофактор маргинализации, то непосредственными причинами чаще всего выступают злоупотребление алкоголем, потеря родственных связей, жилья, работы, отбывание тюремного заключения, констатируют социологи [7, с. 121]. Те же самые причины мы находим и в художественных произведениях. *"Жена умерла, квартиру пропил, а когда опомнился, ловить уже было нечего", – читаем у камчатского прозаика В.В. Зверовщикова [11, с. 341]. "Он в своё время профсоюзным деятелем был и даже народным заседателем... Когда шахты закрылись, спился, забомжевал", – сообщает о своём герое А.В. Быков из Находки [5, с. 164]. "Мать от рака лечил, долго, квартиру пришлось продать, всё равно умерла", – рассказывает Т.Ф. Алёшина [3, с. 114].*

Отсутствие достойно оплачиваемой работы заставило многих дальневосточников трудиться в "серой" и нелегальной сферах экономики: зарабатывать браконьерством, контрабандой, сбором металлолома, производить суррогатный алкоголь на дому и пр. В рассказе сахалинского писателя В.В. Семенчика молодая женщина превращается из школьной учительницы (*"нравилось мне очень, если ещё деньги платили..."*) в наркоторговку, потом отбывает срок в местах лишения свободы, после чего находит своеобразное применение своему педагогическому образованию и опыту, открывая контору по приёму металлолома, не брезгует и стеклотарой. Теперь она живёт в окружении асоциальных элементов, которые называют её "королевой по металлу" [20, с. 281–282].

Практики выживания в сельской местности нашли отражение в произведениях приморских авторов М.С. Деменка и В.М. Пожидаева, который пишет об *"огромной массе полунищих людей, ухивших в грозно молчаливую тайгу ради куска простого хлеба, о котором уже и ночами мечтали их исхудавшие дети"* [18, с. 102]. М.С. Деменок констатирует, что в годы рыночных реформ анучинскую тайгу *"буквально наводнили толпы бомжей из ближайших деревень и городов. ...Ночевали у костра, питались тем, что бог пошлёт... – орехами, грибами, ягодой, папоротником, и иногда – дичью. А в тяжёлое ненастье ютились в заброшенных охотничьих зимовьях, бараках, вагончиках лесорубов, в домиках пчеловодов, землянках. <...> Поделив на сферы влияния таежные уголья – "клондайки", богатые заманихой, элеутерококком, аралией, лесные бродяги пу-*

скали в ход железные кайлы, ломы, специальные "корчеватели"... И прямо тут же, на полянах, измельчали, ...просушивали на ласковом горном солнышке, доводя "кок", "арал" и заманиху до нужной кондиции и товарного вида. Затем "горбачи", то бишь носильщики, добирались потаёнными тропами до ближайшего заготпункта, обменивая ценный груз на пойло – вино, водку, одеколон, брагу" [8, с. 234–235].

Подробно описывая жизнь "лесных братьев", автор подчёркивает, что среди них есть "вполне нормальные и даже талантливые люди", многие стали жертвами обстоятельств, и возможно, в других условиях их "жизнь сложилась бы совсем иначе" [8, с. 241].

Руинирование постсоветского пространства не закончилось с концом "долгих 90-х", оно продолжилось и во время экономического бума и "возвращения государства" в новом столетии. К 2010-м годам относится серия графических работ благовещенского художника Н.Д. Рыбака "Город потерянных надежд": перед нами люди, которые, получив профессию юриста/ бухгалтера/ дизайнера / медработника/ учителя/ художника, не могут найти достойно оплачиваемую работу по специальности, и потому все они вынуждены работать в сфере торговли (рис. 4).

В период экономического роста усилилось неравенство регионов по модели развивающийся центр ("дворцы") / вымирающая периферия ("руины"), что находит объяснение в теории авторитарной модернизации. Ещё Дж. Скотт обозначил дилемму авторитарной модернизации (для которой он использовал термин "высокий модернизм") как "модернистский проект" / "теневой двойник" [21, с. 195]. Как "мегапроект" приводит к появлению новых руин, хорошо иллюстрирует исследование социолога Мии Беннетт (Университет Гонконга), проведенное в посёлке Подножье на острове Русский (г. Владивосток) [26]. Подножье – пример новых, свежих руин, которые возникли в результате строительства моста, небольшого отрезка асфальтированной дороги, университетского кампуса и сопутствующей инфраструктуры на о-ве Русский – всё это стало частью имиджевого проекта федерального центра в преддверии Саммита АТЭС 2012 г.

Такое "развитие инфраструктуры" привело к тому, что жители Подножья лишились возможности пользоваться паромной переправой, благодаря которой они за полчаса добирались до центра города. Поселок внезапно оказался на периферии – теперь до центра Владивостока нужно ехать 12 км по грунтовой дороге, затем 16 км по шоссе до Русского моста, еще 13 км мимо микрорайона Чуркин до Золотого моста и еще ок. 5 км до основных остановок транспорта в центре города. Это ощутимо затруднило для жителей Подножья поездки на работу (в самом поселке рабочих мест недостаточно или они менее привлекательны). Люди стали искать возможность переселиться в город, "на материк", однако жильё в Подножье и так имело более низкую стоимость, а в новых условиях подешевело еще больше. Причал и набережная в посёлке начали руинироваться. В перспективе можно ожидать сокращения числа жителей посёлка и увеличения числа руин за счет части жилых домов, социальных объектов (школа, больница, детский сад и др.).

Пример Подножья показывает, что руины могут возникать не только в результате смены устаревшего технологического уклада и трансформационного кризиса от "шоковых реформ", но и в результате авторитарной модернизации и связанных с ней экстрактивных институтов (дискриминационных практик изъятия ресурсов и/или лишения гражданских прав).

В качестве поэтического резюме настоящего исследования позволим себе привести отрывок из стихотворения приморского поэта И.И. Шепеты (2018):

*По всей стране разбитые общежития
без окон, унитазов и половой доски
стоят, улыбаются, как достигнувшие дожития
работяги – беззубые старики.
А в Краснореченске взорвали фабрику,
где отец мой вкалывал во имя лучших времён,
и теперь на "Форексе" встречаю я публику,
которую ненавижу он.*

*Социальные паразиты и мародёры...
Душа бунтует, хочется ломать и крушить:
на смену генсекам-маньякам
явились воры,
попилили страну. А нам в ней жить.
Работать, как верблюды двугорбые
на тех, кто скупится платить за труд.
Ватники... Ватники мы и есть! Законопослушные, покорные.
Доверчивые, как овцы. Потому и стригут.
Потому-то бывшие комсомольцы и коммунисты,
отрекаясь, легко переходят черту
и в жажде наживы так мелочны и г...внисты,
обрекая сограждан на вымирание и нищету*³ [25, с. 99-100].

Подводя итог, отметим, что в полевых источниках и художественных произведениях дальневосточных авторов находят отражение практики "медленного насилия" в отношении широких слоёв населения региона и практики выживания в новой реальности. Деятели культуры не обходят вниманием и "человеческие руины" – тех, кто уже опустился на самое дно. В дальневосточной литературе и изобразительном искусстве постсоветского периода нищие и бомжи – не редкость, не диковинка, а неотъемлемая часть картины мира, социального пейзажа новой России. Мир униженных и оскорбленных, безработных, бездомных, бесправных, людей, в период рыночных реформ оказавшихся в трудной жизненной ситуации, стремительно скатывающихся в пропасть, открывается читателю и зрителю во всём своём безобразии и величии. В этом отношении дальневосточные авторы, безусловно, наследуют классикам русской литературы, Достоевскому и Горькому, и художникам-передвижникам.

Переходя от "человеческого" измерения рыночных реформ к инфраструктурному, можно утверждать, что авторитарная модернизация производит руины не только в период трансформационного кризиса и "шоковых реформ" 1990-х годов, но и в относительно благополучные 2000-е, и в 2010-е годы. Когда государственные мегапроекты не учитывают интересы местного социума, то рядом с "карманом эффективности" возникает "теневой двойник" – локация, где местные жители выживают среди физических руин на развалинах своих планов и надежд.

Литература

1. Алёшина Т. Друг наш Колька // Изба-читальня. 2010. № 19. С. 63–71.
2. Алёшина Т. Жизнь удалась! Рассказы. Владивосток, 2001. 128 с.
3. Алёшина Т.Ф. Несекаретная жизнь. Рассказы. Владивосток: Роза ветров, 2004. 120 с.
4. Барабаш С. Всё предельно ясно // Литературный Владивосток: литературно-художественный альманах. 2008. С. 9–18.
5. Быков А.В. Двойная дуэль. Рассказы. Находка: Институт технологии и бизнеса, 2008. 200 с.
6. Группа сотрудников МЧС взяла на себя часть управленческих функций в Кавалеровском районе Приморья // Первый канал (сайт). URL: https://www.1tv.ru/news/2000-12-07/284229-gruppa_sotrudnikov_mchs_vzyala_na_sebya_chast_upravlencheskih_funktsiy_v_kavalerovskom_rayone_primorya (дата обращения: 30.10.2021).
7. Дадаева Т.М., Спиридонова К.М. На обочине жизни: феномен маргинала в городской среде // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 118–123.
8. Деменок М. Злой рок Алтайки. Владивосток: Приморский полиграфический комбинат, 2007. 280 с.
9. Е. Наздратенко: Нужна работа, а не поиск стрелочников // Vladnews: электронная версия газеты "Владивосток" (сайт). URL: https://vladnews.ru/ev/vl/903/58583/nazdratenko_nuzhna (дата обращения: 30.10.2021).
10. Жарикова Т. В проёме... Владивосток: Приморское общество книголюбов, 1996. 68 с.
11. Земля над океаном. Антология современной камчатской литературы. Том I / Сост. Е.В. Гропянов,

³ Отметим, что самого И.И. Шепету нельзя причислить к социальным низам: в постсоветский период он освоил торговый бизнес, затем горнорудный, затем деревообрабатывающий и неоднократно спонсировал издание книг менее обеспеченных собратьев по перу.

- A.A. Смышляев. – Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2012. 560 с.
12. Камчатка: лит.-худож. сб. Петропавловск-Камчатский: Дальиздат, Камч. отд-ние, 1993. 134 с.
 13. Кузнецова О.В. Структура экономики российских регионов и уровень их социально-экономического развития // Научные труды: Институт народохозяйственного прогнозирования РАН. 2018. Т. 16. С. 473–493.
 14. Мамонтов Е.А. Музыка в аэропорту: повести и рассказы. – Владивосток: Издательство Ивана Шепеты, 2021. 360 с.
 15. Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 304 с.
 16. Молодяков В.Э. Колониальная политика и моделирование образа Японии: Тайвань, 1900-е - 1930-е годы // Ежегодник Японии. 2016. № 45. С. 156–172.
 17. Перцев А. Сергей Шойгу хочет построить новые города в Сибири и перенести туда столицу // "Медуза" (сайт). URL: <https://meduza.io/feature/2021/09/06/sergey-shoygu-hochet-postroit-novye-goroda-v-sibiri-i-perenesti-tuda-stolitsu> (дата обращения: 30.10.2021).
 18. Пожидаев В. У черепахи жизнь простая // Литературный Владивосток: литературно-художественный альманах. 2016. С. 87–116.
 19. Руссков В. Святое дело // Дальний Восток. 1997. № 8-9. С. 119–129.
 20. Семенчик В.В. Консультант по любым вопросам: Избранная проза. – Владивосток: Рубеж, 2016. 528 с.
 21. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни: Пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. М.: Университетская книга, 2005. 576 с.
 22. Социология медицины: наука и практика / Под ред. А. В. Решетникова. М.: Изд-во Первого МГМУ им. И.М. Сеченова, 2012. 220 с.
 23. Страницы: К 40-летию Амурской областной общественной писательской организации (1977–2017). Благовещенск: РИО, 2017. 399 с.
 24. Форбруг А. Этнографии медленного насилия: исследование последствий разрушения сельской инфраструктуры / пер. И.В. Троцук // Крестьяноведение. 2020. Т. 5. № 1. С. 31–52. DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-1-31-52.
 25. Шепета И. Возраст дожития // Литературный Владивосток: литературно-художественный альманах. 2018, осень. С. 99–100.
 26. Mia M. Bennett. The Making of Post-Post-Soviet Ruins: Infrastructure Development and Disintegration in Contemporary Russia // International Journal of Urban and Regional Research. 11 May 2020. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/1468-2427.12908> (дата обращения: 30.10.2021).
 27. Nixon R. Slow Violence and the Environmentalism of the Poor. – Cambridge: Harvard University Press, 2011. 354 p.

References

1. Alyoshina T. Drug nash Kol'ka // Izba-chital'nya. 2010. № 19. S. 63–71.
2. Alyoshina T. ZHizn' udalas! Rasskazy. Vladivostok, 2001. 128 s.
3. Alyoshina T.F. Nesekretnaya zhizn'. Rasskazy. Vladivostok: Roza vetrov, 2004. 120 s.
4. Barabash S. Vsyо predel'no yasno // Literaturnyj Vladivostok: literaturno-khudozhestvennyj al'manakh. 2008. S. 9–18.
5. Bykov A.V. Dvojnaya duehl'. Rasskazy. Nakhodka: Institut tekhnologii i biznesa, 2008. 200 s.
6. Gruppya sotrudnikov MCHS vzyala na sebya chast' upravlencheskikh funktsij v Kavalerovskom rajone Primor'ya // Pervyj kanal (sajt). URL: https://www.1tv.ru/news/2000-12-07/284229-gruppa_sotrudnikov_mchs_vzyala_na_sebya_chast'_upravlencheskikh_funktsiy_v_kavalerovskom_rayone_primorya (data obrashheniya: 30.10.2021).
7. Dadaeva T.M., Spiridonova K.M. Na obochine zhizni: fenomen marginala v gorodskoj srede // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2017. № 8. S. 118–123.
8. Demenok M. Zloj rok Altajki. Vladivostok: Primorskij poligraficheskij kombinat, 2007. 280 s.
9. E. Nazdratenko: Nuzhna rabota, a ne poisk strelochnikov // Vladnews: ehlektronnaya versiya gazety "Vladivostok" (sajt). URL: https://vladnews.ru/ev/vl/903/58583/nazdratenko_nuzhna (data obrashheniya: 30.10.2021).
10. ZHarikova T. V proyome... Vladivostok: Primorskoe obshhestvo knigolyubov, 1996. 68 s.
11. Zemlya nad okeanom. Antologiya sovremennoj kamchatskoj literatury. Tom I / Sost. E.V. Gropyanov, A.A. Smyshlyayev. – Petropavlovsk-Kamchatskij: Novaya kniga, 2012. 560 s.
12. Kamchatka: lit.-khudozh. sb. Petropavlovsk-Kamchatskij: Dal'izdat, Kamch. otd-nie, 1993. 134 s.
13. Kuznetsova O.V. Struktura ehkonomiki rossijskikh regionov i uroven' ikh sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya // Nauchnye trudy: Institut narodokhozyajstvennogo prognozirovaniya RAN. 2018. Т. 16. S. 473–493.
14. Mamontov E.A. Muzyka v aehroportu: povesti i rasskazy. – Vladivostok: Izdatel'stvo Ivana SHepety, 2021. 360 s.

15. Minakir P.A., Prokapalo O.M. Regional'naya ehkonomicheskaya dinamika. Dal'nij Vostok. Khabarovsk: DVO RAN, 2010. 304 s.
16. Molodyakov V.E.H. Kolonial'naya politika i modelirovanie obraza YАponii: Tajvan', 1900-e - 1930-e gody // Ezhegodnik YАponiya. 2016. № 45. S. 156–172.
17. Pertsev A. Sergej SHOjgu khochet postroit' novye goroda v Sibiri i perenesti tuda stolitsu // "Meduza" (sajt). URL: <https://meduza.io/feature/2021/09/06/sergey-shoigu-hochet-postroit-novye-goroda-v-sibiri-i-perenesti-tuda-stolitsu> (data obrashheniya: 30.10.2021).
18. Pozhidaev V. U cherepakhi zhizn' prostaya // Literurnyj Vladivostok: literurno-khudozhestvennyj al'manakh. 2016. S. 87–116.
19. Russkov V. Svyatoe delo // Dal'nij Vostok. 1997. № 8-9. S. 119–129.
20. Semenchik V.V. Konsul'tant po lyubym voprosam: Izbrannaya proza. – Vladivostok: Rubezh, 2016. 528 s.
21. Skott Dzh. Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniya uslovij chelovecheskoj zhizni: Per. s angl. E.H.N. Gusinskogo, YU.I. Turchaninovej. M.: Universitetskaya kniga, 2005. 576 s.
22. Sotsiologiya meditsiny: nauka i praktika / Pod red. A. V. Reshetnikova. M.: Izd-vo Pervogo MGUMU im. I.M. Sechenova, 2012. 220 s.
23. Stranitsy: K 40-letiyu Amurskoj oblastnoj obshhestvennoj pisatel'skoj organizatsii (1977–2017). Blagoveshensk: RIO, 2017. 399 s.
24. Forbrug A. Ehtnografii medlennogo nasiliya: issledovanie posledstvij razrusheniya sel'skoj infrastruktury / per. I.V. Trotsuk // Krest'yanovedenie. 2020. T. 5. № 1. S. 31–52. DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-1-31-52.
25. SHepeta I. Vozrast dozhitiya // Literurnyj Vladivostok: literurno-khudozhestvennyj al'manakh. 2018, osen'. S. 99–100.
26. Mia M. Bennett. The Making of Post-Post-Soviet Ruins: Infrastructure Development and Disintegration in Contemporary Russia // International Journal of Urban and Regional Research. 11 May 2020. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/1468-2427.12908> (data obrashheniya: 30.10.2021).
27. Nixon R. Slow Violence and the Environmentalism of the Poor. – Cambridge: Harvard University Press, 2011. 354 p.

Елена Сергеевна ВОЛКОВА, канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: elenavolkova1@yandex.ru

Юлия Николаевна КОВАЛЕВСКАЯ, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: tupa67@mail.ru

Elena S. VOLKOVA, Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia, e-mail: elenavolkova1@yandex.ru

Yulia N. KOVALEVSKAYA, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia, e-mail: tupa67@mail.ru

Поступила в редакцию

(Received) 08.11.2021

Одобрена после рецензирования

(Approved) 15.02.2022

Принята к публикации

(Accepted) 25.02.2022